

УДК 101.1

<https://doi.org/10.36906/NVSU-2022/51>

Тонковидова А.В., ORCID: 0000-0002-2756-9577

Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма
г. Краснодар, Россия

К НОВОЙ МОРАЛИ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: Ч. ВЕРЕКЕР, С.Н. БУЛГАКОВ И А.Д. САХАРОВ

Аннотация. В работе раскрывается значение Ч. Верекера, А.Д. Сахарова и С.Н. Булгакова для раскрытия значения новой концепции морали, которая свойственна для современного общественного развития. На основе принципа солидарности, изложенном в работах А.Д. Сахарова и принципе соборности, представленном в трудах С.Н. Булгакова, может происходить развитие науки, и в целом прогресс современного общества. Делается вывод, что солидарный принцип морали выступает основанием инновационного прогрессивного развития науки и общества.

Ключевые слова: А.Д. Сахаров; С.Н. Булгаков; Ч. Верекер; прогресс; соборность; солидарность; мораль.

В настоящее время проблема нахождения моральных оснований для научных исследований является значимой в связи с тем, что распространение научного знания и успехи, достигнутые благодаря ее технологическому применению, дают право на самые смелые надежды в плане помощи, которую наука может предложить для разрешения всех проблем, а с другой, – потому что развитие науки, кажется, до сих пор влияло довольно мало на моральный прогресс человеческого рода и на его религиозный склад души.

В античном и средневековом мире эта проблема вообще не ставилась, потому что утвердительный ответ казался очевидным. Наука, раскрывающая нам разумность, порядок и совершенство космоса, частью которого мы являемся, учит нас также и способу реализации в нашем приватном поведении и в ассоциированной жизни разумности и совершенства. Таково базовое верование, на котором основывалась вся структура античного и средневекового мира. Закон природы управляет не только движением звезд и процветанием вещей, но также и с той же самой необходимостью, жизнью человека и человеческого сообщества, неуклонно направляя его к своей цели. С этой точки зрения, моральные и религиозные ценности являются не произвольными или фантастическими образованиями, а обретают свою основу и свою гарантию в самой природе мира, раскрытого наукой. И природа – это не грубая и враждебная сила; она – сам Бог или послушный инструмент Бога, который по-отечески заботится о людях и провиденциально ведет их к спасению. Для того чтобы найти норму своего поведения, чтобы осуществить справедливость в обществе, чтобы в любой области находиться на твердой почве разумности и порядка, человек должен всего лишь смотреть на природу и следовать ее закону.

В научном познании, которое раскрывает ему природу и ее закон, находится поэтому единственно возможная основа его морали и его религии.

Обычно считают, что эта система одновременно моральных и религиозных верований была окончательно ниспровергнута Просвещением, которое довело до конца революционное движение, начатое итальянским Возрождением. XVIII век называли «веком разума», т.е. эпохой, когда борьба за разум, которая стала знаменем этого столетия, отпраздновала свою победу также и на моральной, религиозной и политической почве, положив начало, посредством французской революции, решающему повороту в истории.

Согласно этой оценке, Просвещение является началом новой эры, чьи идеи свободы, равенства и братства составляют руководящие принципы новой жизни, к которой человечество приступило уже не под руководством традиционных авторитетов, а от собственного имени и под свою полную ответственность. Нет сомнения, что мыслители, политики, литераторы и художники Просвещения считали себя призванными к подобного рода предназначению. Но сомнение рождается относительно того, действительно ли они его осуществили или, по крайней мере, выковали ли они или подготовили средства для его осуществления. И это сомнение, которое всегда присутствовало в историографической литературе о Просвещении, выражено в наиболее радикальной форме в самой последней работе Чарльза Верекера «Оптимизм XVIII века» [4]. Речь идет о великолепной, насыщенной разносторонней информацией и философским духом книге, которая аналитически изучает связи между моральными и политическими теориями у английских и французских мыслителей между 1689 и 1789 годами. Согласно Верекеру, общим достоянием всех этих мыслителей является оптимизм, а основой их оптимизма – понятие природы. Предшествующее развитие научных знаний сделало в XVIII веке более очевидным и более достоверным совершенный порядок природы. Первый взгляд, брошенный на внутренний мир человека и особенно на его чувства и страсти, обнаружил, что он также обладает порядком, и побудил даже к допущению безотказного инстинкта, который направляет человека к благу. Критика традиционных политических институтов привела к вере в то, что справедливость, на коей они должны основываться, является естественным порядком человеческого общества, от которого человек удалился в ходе истории и которому он должен вернуться посредством соответствующих реформ. Руссо, провозгласивший «возвращение к природе», является лишь наиболее красноречивым голосом этого столетия.

Конечно, среди просветителей были атеисты и верующие, а среди последних католики, протестанты и сторонники естественной религии, но это, по Верекеру, не имеет никакой разницы, так как термины «Бог» и «Природа» использовались как синонимы, ибо, если существует Бог, то он обнаруживает свои цели через свойственную человеку природу, будь она физической или психической. И если Бога нет, то есть та самая Природа, которая может быть познана человеком с помощью науки и которая явит ему посредством своих законов цель, к коей он должен стремиться, и средства для ее реализации.

Какая тогда разница между просветительской концепцией мира и классической и средневековой? Никакого существенного различия, потому что первая пускает свои корни во

вторую и, несмотря на осуществленную ею радикальную критику христианской традиции, она принимает ее фундаментальное наследие. Безусловно, просветители требовали независимости человека по отношению ко всякой церковной и государственной власти, они стремились доверить человеку, а не трансцендентной силе задачу по реализации в мире счастья рода человеческого, они не считали, подобно Лейбницу, что «все идет к лучшему в лучшем из возможных миров», а напротив, поставили серьезный диагноз относительно зла и конфликтов, которые терзают человека и общество. Но они все еще видели в природе единственный надежный путеводитель, единственный безупречный критерий добра и справедливости и, поскольку была утрачена вера в потусторонний рай, требовали свободы, чтобы обрести себе рай на этой земле.

Но что же тогда нас не устраивает в этом натуралистическом оптимизме? Почему нам, подобно просветителям и самой древней традиции, не следует прибегать к путеводной нити природы для разрешения моральных, религиозных и политических проблем?

Потому, отвечает Верекер (и это точный ответ), что эта вещь не действовала и не действует. Природа, являющаяся объектом научного исследования, обнаружила себя глухой и немой к призывам человека быть ему путеводителем, как любящая мать. И столь же верно, что дисгармонии и конфликты индивидуальной и социальной жизни усугубляются. Разрыв между условиями природной среды, созданными новыми техническими орудиями, и моральными и политическими институтами стал еще большим, и ни к чему не была пригодна – разве что сделать его более явным – философия XIX века, которая догматизировала и довела до предела оптимизм XVIII века, отождествив природу и дух, действительность и идеал, сущее и должное [4].

Именно это отождествление не следует делать, и нужно отказаться от того, чтобы требовать от познания природы быть путеводителем выборов, которые ожидают человека в моральной, религиозной и политической области. Безусловно, факты природы составляют ситуацию, в которой он должен действовать, границы, определяющие и делающие эффективными его возможности действия. Их познание является необходимым и предваряющим всякий выбор или решение, но оно ничего не говорит относительно того, каким должен быть этот выбор или решение. Человек не может обращаться к подобным фактам, чтобы познать намерения божества по отношению к нему, если и существует божественное откровение, то оно происходит не благодаря природе.

К тому же (можно добавить к размышлениям Верекера), для самой науки природа сегодня не является тем, чем ее считали философы XIX и XVIII веков, – ни совершенной рациональностью, ни строгим порядком, ни необходимостью. Сам термин «природа» стал подозрительным. Сегодня наука ведет себя подобно рыбаку, который забрасывает свои сети, вылавливает определенное количество рыбы и на основе этой информации пытается предвидеть, сколько он сможет поймать ее впоследствии. Она чужда формулированию абсолютных или тотальных требований, которые бы обнаруживали вечную сущность природы. Стало быть, человеку придется лишь копить разочарования, если он будет

претендовать на то, чтобы она руководила им, вместо того, чтобы лишь указывать ему театр действия его выборов.

Этот урок, который вытекает одновременно из Просвещения XVIII века и из современной науки, увеличивает меру человеческой свободы и ответственности и ориентирует моральную и политическую философию в направлении, отличном от традиционного. Речь идет не о том, чтобы понять, какова природа человека, общества или мира, а о том, чтобы определить, каковы постоянные интересы человека, его неотчуждаемые требования, и прежде всего, учитывая различие и противоречивость этих интересов, выявить как можно найти способы для их гармонизации с минимально возможными потерями их разнообразия. И, наконец, речь идет о том, чтобы спасти в человеке те способности, которые делают его готовым и приноровившимся преодолевать все новые трудности, доставляемые ему изменениями, которые сама научная технология производит в его среде обитания. Современная этика не может говорить о последних целях, продиктованных природой, о чистых добродетелях, о ценностях-табу, она может говорить лишь о критериях, которые внушает и упрочивает человеческий опыт, о возможных альтернативах и открытых будущему выборах, которые бы избегали принесение в жертву человека человеку или призракам прошлого.

Может ли наука помочь разрешить моральные и религиозные проблемы человека? И если может, то каким образом? А.Д. Сахаров в работе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» пишет, что в основании прогресса всего человечества лежит «преодоление разобщенности», что, с его точки зрения включает в себя изменение в понимании научно-технического прогресса, его критериев, новое понимание свободы человека и морали [3].

Сотрудничество и солидарность выступают источниками морали и прогресса человечества. Прогресс становится возможен при объединении, «мирном сосуществовании и сотрудничестве», которое приведет к развитию принципов гуманизма через совершенствование международной политики, создание программ борьбы с голодом, развитие экономики, идеологическое освобождение, развитие прав человека, становление «геогеиены». А.Д. Сахаров отмечает, что научно-техническая революция с необходимостью должна сочетаться с вниманием к общечеловеческим ценностям (морально-этическим и личным) [3].

В качестве основания ценностной шкалы возможно установить концепт соборности, который развит в учении С.Н. Булгакова, связанный с преодолением личностью «героизма». С максимализмом целей и средств, переходом к максимализму действий. Максимализм в личном отношении, историческую трезвость, самообладание, историческое чувство, дисциплинированность положим в основание морали. Социальный идеал может включать в себя деятельность органичного соборного народа по совершенствованию социальной реальности, на основе идеи о действительном равенстве всех людей и абсолютном достоинстве личности человека, на основе трансцендентных ценностей [1; 2].

Можно ли предположить, что при радикальных преобразованиях, которыми чревато наше общество, и яркие предвестия которых приносит нам каждый прошедший день, моральные правила и ценности, критерии, дабы отличать добро от зла, останутся неизменными? Утвердительный ответ на этот вопрос можно дать, лишь если придерживаться мнения, что мораль в ее совокупности составляет *сверхмир* норм или ценностей, полностью защищенный от перипетий, которые претерпевает человеческий мир в своей истории.

Если моральные правила диктуются человеку разумным или божественным космическим *порядком*, над которым человек не имеет власти, но которому он должен лишь повиноваться; или непогрешимым *чувством*, которым наделен каждый, каково бы ни было его положение в мире; или не могущим превратиться в молчание голосом совести, которая постоянно призывает человека к целям, являющимся для него сущностными, – в этих трех случаях морали в ее основополагающих нормах и ее кардинальных ценностях нечего баяться даже самых радикальных изменений индивидуальной и социальной жизни.

Возможно, она претерпит частичные затмения или помрачения, но вновь заблестит после короткого периода, как полярная звезда, по которой человек сможет ориентировать курс своей жизни. С этой точки зрения, Кант мог утверждать, что моральный закон достоверен для всех разумных существ, будь они конечные или бесконечные, как для человека, так и для Бога и для любого жителя другой планеты, наделенного разумом; и что, если он рассматривается как божественное повеление, он становится подлинной религией всего человеческого рода.

Но, с другой стороны, можно утверждать, что моральные правила и ценности не образуют сверхмира, но являются неотъемлемой частью мира человеческого, что они различны в зависимости от места и времени, что доказывается различием нравов, законов, моральных оценок, распространенных в человеческом роде; что поэтому существует не *одна* единственная и абсолютная мораль, а *множество* относительных и различных моралей, каждая из которых составляет неотъемлемую часть *культуры* (или цивилизации) и существует и умирает вместе с ней.

В этом случае всякое обладающее некой значимостью изменение в системе отношений составляющих определенное общество в характерных для него способах жизни автоматически вызывает изменение моральных структур, т.е. утрату одних ценностей и возникновение других, исчезновение традиционных норм и формирование новых, с трудом пробивающих себе путь через разрушение старых и хаос, который из этого следует.

Если это верно, достаточно развитое технологическое общество будет иметь мораль, у которой нет ничего общего с моралью дотехнологического общества и, более того, будет, с точки зрения последнего, совершенно «аморальным»; никакая передача ценностей из одного в другое не сможет быть осуществлена, и только можно будет ждать, что возникнут новые ценности, когда это станет возможным, из обломков старых.

Каждое из двух противопоставленных здесь учений о морали может привести в свою пользу определенное число доказательств или, по крайней мере, примет. Первое может привести в свою пользу свидетельство обыденного сознания, принимаемое в качестве достоверного большим числом философов, что всякая моральная норма является

универсальной, обязывает всех людей как таковых и не признает никаких пространственных и временных различий. Второе может привести в свою пользу то, что трудно точно определить, какими являются или могли бы быть универсальные нормы, предназначенные продолжать существовать, и даже руководить судьбами будущего человечества, а также повальный кризис, который испытывает сейчас наш моральный кодекс, открытый или скрытый бунт против некоторых его основ и распространенное предчувствие его полного краха.

Но речь идет о приметах, которые уравнивают друг друга и не являются решающими. Впрочем, подходы, которые, кажется, подсказывают эти два учения, являются одинаково непродуктивными. С одной стороны, существует непримиримый догматизм тех, кто считает, что обладает истинным моральным кодексом и беспалляционно судит и осуждает; а с другой, – слишком снисходительный скептицизм тех, кто полагает, что все дозволено ему самому и другим в зависимости от обстоятельств и времени и отказывается от всякого порядка, от всяких жизненных устоев. Как бы то ни было, поиск новых путей или более адекватных решений блокируется на корню.

Возможно, подход к решению можно наметить, считая, что мораль не является ни неизменной системой правил, ни сводом правил, интегрированных в определенную социальную систему. Может статься, что она не является завершенным кодексом, во владение которым человек вступает раз и навсегда, ни совокупностью нравов, форм жизни, которые определенное общество считает достоверными и с которыми его члены пытаются сообразовываться. Может статься, что она является несовершенным человеческим образованием, однако, допускающим улучшения: *способом*, чтобы придать порядок индивидуальной и социальной жизни, относительно независимым от конкретных форм, которые она приняла или принимает и все-таки способным влиять на них и, в какой-то мере, направлять и ориентировать их.

Одним словом, может статься, что она является *техникой* жизни и совместного проживания, необходимой в своих основополагающих принципах всякой форме или типу цивилизации, какой бы ни была ее основа или социальная и экономическая организация, и как и все техники, содержащей в себе в нынешнем состоянии заблуждения и предрассудки, которые могут быть устранены посредством непрерывного усилия по самокорректированию. Если бы это было так, основополагающая задача морали состояла бы в том, чтобы предотвращать конфликты человека с самим собой и с другими людьми или давать ему способ разрешения возникающих конфликтов с минимальной растратой жизни и ценностей, вести и поддерживать всякое соревнование между людьми на уровне цивилизованной совместной жизни: гарантировать, насколько возможно, мир внутри человека и между людьми.

Хорошо понятый моральный интерес, по всей видимости, должен быть направлен не на подчеркивание различия ценностей, управляющих различными цивилизациями или различными формами жизни, а на их сходство и соответствия.

Наука смогла создать мощные технологические инструменты, которые сегодня имеются в распоряжении только абстрагируясь от всякой предваряющей ее метафизики, религиозной и

идеологической, и оставаясь приверженной лишь правилам (всегда открытым коррекции) собственного метода. Таким образом, возможно, человек сможет создать поистине универсальную мораль, освобождаясь от всякой предвзятости и оставаясь приверженным только требованиям упорядоченной и спокойной жизни для всего человеческого рода.

Конечно, вряд ли ему в этом поиске смогут помочь электронные вычислительные машины и другие механические средства, хотя даже это не может быть принципиально исключено. Кроме того, речь идет о технических приемах, которые могут быть найдены и проверены не ограниченным числом специалистов, а лишь согласной волей все возрастающего числа людей, потому что они затрагивают всех людей и всю повседневную жизнь. Но осознать проблему и вести поиск гораздо лучше, чем предаваться панике из-за ценностей, которые исчезают, или систематическому уничтожению действующих ценностей, некоторые из которых, быть может, заслуживают того, чтобы быть сохраненными и укрепленными.

Человек может быть успешно запущен в космос только солидарной деятельностью тысяч других людей; и, когда он оттуда возвращается единственная награда, которую он может получить, и есть солидарность, выражаемая с восхищением, уважением и любовью. Приверженность подобной солидарности является поэтому наилучшим уроком, который научная технология может предложить технике морали. Возможно, и более того, несомненно, этого слишком мало. Но это только начало.

Литература

1. Булгаков С.Н. Основные проблемы теории прогресса. Сочинения в 2-х т. Т. II. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. 751 с.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
3. Сахаров А.Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе // Вопросы философии. 1990. № 2. С. 4-25.
4. Vereker C. Eighteenth-Century Optimism. Liverpool: University Press, 1967.

© Тонковидова А.В., 2022